

Роман Арефкин

Зеркала и лабиринты

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.4
ББК 84(2)6
А80

Арефкин Р. В.

Зеркала и лабиринты / Арефкин Р. В. — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2021. — 373 с.

ISBN 978-5-532-95790-9

Шесть историй — шесть мимолётных странствий по затейливому лабиринту, стены которого — словно кривые зеркала — отражают нашу реальность в самых гротескных её проявлениях, открывая взору читателя ничем не ограниченный, увлекающий мысли — простор магического реализма. Каждая история сопровождается комментариями автора, который щедро делится источником идеи, указывает на исторические и культурные перипетии, заставляя повседневную реальность обогащаться живыми тонами фантазии. «Квест» — история о самом продолжительном поиске, в жизни каждого человека «Творец» — спасительная гавань для творческого сознания, посреди смерти и бессилия «Ворон» — противостояние мудрости и амбиций посреди увядания древнейшей цивилизации «Бессмертный» — история о слепом стремлении и неожиданных находках на этом пути «Пробудившись» — то, что начиналось банальным расследованием, превращается в откровение с самой историей «Изобретатель» — иллюстрация извечного конфликта индивида и государства, простирающегося сквозь века

ISBN 978-5-532-95790-9

© Арефкин Р. В., текст, 2021
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Квест	5
Комментарии к «Квест»	57
Творец	62
Комментарии автора к «Творец»	93
Ворон	95
Комментарий к «Ворон»	183
Бессмертный	186
«Пробудившись»	221
Комментарий к «Пробудившись»	329
Изобретатель	331
Комментарии к «Изобретатель»	372

С искренней благодарностью Анне Никитиной,
прикосновение её внимательного взгляда отражается
теплом в строках этой книги!

Квест

Второй месяц моего сомнительного предприятия близился к концу, и вместе с накоплениями иссякала и моя вера в самого себя. Когда я только открывал этот офис, мой единственный друг говорил мне, что идея обречена на провал, а месяц спустя я выставлю себя на посмешище перед всеми деловыми гильдиями города. Но после того как меня с треском выкинули с предыдущей работы, обвинив во всевозможных бедствиях, посыпавшихся на компанию как из рога изобилия, я меньше всего волновался о репутации. В глазах гильдий я был всего лишь мелкой сошкой. Прошло два месяца, а успехи мои даже не позволяли мне претендовать на статус «бельма на глазу» моих многочисленных, не многим удачливее меня, конкурентов.

– Ты никогда не был в этом бизнесе! – громогласно заявлял мой друг Сәпфир, вцепившись обеими руками в и без того истерзанные подлокотники старого кресла. – У тебя нет опыта подобных дел? Ты накупил все эти игрушки, твои микрофоны, скрытые камеры, датчики, это всё «тфу» и растереть! Это ничто! Ты обрекаешь себя на тяжкую юдоль!

Я же отмахивался, как мог, от этого нескончаемого потока пессимизма, но, когда Сәпфир замолкал, стоило мне зажмуриться и досчитывать до пяти, я оказывался в такой невыносимой тишине, что отголоски сказанного начинали вновь рождаться вокруг моего сознания. В такие минуты я отмахивался от всяких сторонних мыслей и стремительно погружался хоть в какую-то работу, уповая на занятость как на спасение.

Детективное бюро имени меня, разумеется, ни красивая вывеска, ни объявления на интернет-страницах городских порталов, не добавили моему делу клиентской лояльности. Совсем без клиентов, надо сказать, я тоже не сидел, однако работа, подворачивающаяся мне, носила совсем не тот характер, который я ожидал. В двери моего офиса робко стучались женщины, возрастной категории от срока и старше, старательно подобранные наряд для прихода ко мне. Они

одевались так, чтобы на пути сюда, и в особенности вблизи моего офиса, их не смогли бы узнать знакомые, для них это было важно.

Эти женщины, обращающиеся ко мне, едва ли знали друг друга, поскольку, к своей собственной чести, я могу добавить – я не принял ни один из принесённых ими заказов, но их просьбы столь мало отличались одна от другой, что без зазрения совести эти просьбы я мог сравнивать с яичной скорлупой, бывает разных оттенков, фактура тоже не вполне одинаковая, однако принципиальных отличий нет.

Все они просили меня упасть «незримым ухом», или «бесшумным глазом» на хвост их неверных мужей, дабы спустя те несколько дней, в течение которых дамы собирались оплачивать мою работу, я мог собрать достаточно компрометирующих сведений, чтобы «мерзавец» не отвертелся от праведного гнева своих оскорблённых «Юнон».¹

Работа не выглядела сложной, а некоторые дамы были готовы обещать солидный гонорар, я, тем не менее, отказывался, предпочитая не опускаться до подобной деятельности. Как ни странно, но я с самого начала установил довольно высокую планку собственной компетенции, полагая, что каждое предлагаемое задание будет тщательно измеряться моим собственным, понятным мне одному «Прокрустовым ложем».

Даже самые вежливые формы отказа, не вдаваясь в подробности того, что стало их причинами, провоцировали молниеподобные взгляды и не менее обжигающие мысли, рождающиеся в головах моих посетительниц. Я же находил в себе силы не держать на них обиды, клиент, как водится, превыше всего.

Пару раз в клиентском кресле оказывались женщины значительно моложе той возрастной группы, которая составляла костяк

¹ Имя богини (богиня Юнона) в древнеримском пантеоне божеств, которая была явным аналогом образа древнегреческой богини Геры. Как и своя «образная» прародительница, Юнона служила олицетворением таких качеств как брак, супружеская верность и женской производительной силы (материнства). Однако, именно о Гере нам известно куда больше характеризующих черт, за счёт более богатого фольклора, связанного с её образом. Одной из таких характерных черт выступает ревность (примечание автора);

первой категории. Этим было не больше тридцати-пяти, сорока лет. Они все выглядели не только привлекательно, но и довольно богато. Такие особы приходили ко мне с еще более непотребными миссиями. Дело в том, что их мужья точно не были «неверными», и даже напротив, в «упёртой верности» этих супругов сомневаться совсем не приходилось. Но вот дамы были заинтересованы как раз в том, чтобы я смог подтолкнуть их мужей к этакому *adultere*² и затем раздобыть доказательства этому злодеянию.

После изложения этих планов, мне становилось понятным, какие именно цели дамы преследовали, и моя «репутация» буквально съёживалась до размеров иссушённого зерна, как только я представлял себя вовлечённым в подобное.

Я отказывался, выслушивая постепенно растущие размеры гонорара, и даже смел давать этим дамам совет, но это как раз были излишне. Они в моих советах нуждались меньше всего, о чем незамедлительно сообщали мне в самой привольной форме.

– Что, еще одна профурсетка вылила на тебя ушат дерьма? – Сàп-фир появлялся откуда ни возьмись, не упуская возможности ткнуть меня в это «дерьмо», сколь бы фигуральным оно не было. – Я тебе говорил, дело твоё – дрянь! Ничего хорошего из этого не выйдет!

Я игнорировал его, как мог, так мне советовали люди с опытом...и знаниями.

Я уже собирался гасить свет настольной лампы и покидать офис, отметив на настенном календаре еще один ничтожный день, когда порог моего офиса переступила женщина, одетая в деловой костюм, и всем своим видом заявляющая о непринадлежности ни к первой категории моих «клиенток», ни тем более ко второй.

– Добрый вечер! – приветствовал я её, предлагая присесть с противоположной стороны моего рабочего стола. – Что вас привело к нам...

² В переводе с французского – супружеская измена, термин использовался намного чаще в период истории, когда французский язык еще имел статус международного, ныне же, при доминировании английского языка, используется термин «*adultery*» (примечание автора);

Я осёкся, употребив плюральную форму местоимения, покосившись на старый платяной шкаф в углу, я убедился, что Сәпфир испарился по крайней мере из зоны моей видимости.

Сжимая в руке ремень дорогой, стильной, кожаной сумочки, женщина ответила:

— Я здесь из-за моего мужа...

Если бы только эта женщина была наделена навыками филиппинских хиллеров³, она бы несомненно ощутила с какой силой всколыхнулось моё сердце, когда я только заподозрил, что сейчас услышу уже хорошо знакомую «песню».

— Мой муж, он пропал, понимаете... Исчез...бесследно...

От сердца отлегло, по крайней мере это уже что-то новое.

— Вы хотите сказать, что ваш муж исчез, не поставив ни вас, никого либо еще, в известность? — мой вопрос не блистал оригинальностью, тем не менее, он был призван внести ясность сразу же, на «первых парах».

— Это случилось два с лишним дня назад... — сглотнув, преодолевая нерешительность и борясь с неловкостью, женщина пояснила. — Он был дома, когда я пришла. Занимался своими делами, ничего необычного, знаете, как многие мужчины...

В этот момент, вспоминая всё то, что я уже услышал от недовольных своими мужьями жён, я в очередной раз был рад, что моя клиентка не обладала навыками чтения мыслей.

— Я спросила его, что он будет на ужин, это была пятница, и по пятницам мы ужинаем исключительно дома.

— Ох уж эти старые-добрые семейные ценности! — с некоторой долей артистичности я вздохнул, еще не до конца поняв, насколько это было уместным. Женщина лишь посмотрела на меня, недолго, затем продолжила говорить.

— Он сказал, что по пятницам нет ничего лучше лазаньи.

³ Представители адептов народной медицины с филиппинских островов, которые известны на весь мир популяризацией своих хирургических навыков, проводя высокоинвазивные хирургические манипуляции голыми руками, якобы, не нанося разрезов при помощи медицинских инструментов (примечание автора);

– Стало быть лазанья... – с этими словами, сказанными скорее для себя самого, я сделал необходимые записи в блокнот, так я поступаю всякий раз, когда дело доходит до чего-либо важного. Женщина же лишь смерила меня взглядом, но ничего не сказала по поводу моих записей.

– Я спорить не стала, сама была голодна, в тот день на работе творился такой «дурдом», такая неразбериха, что не получилось даже на обед выбраться.

И вновь, уловив эту подробность, я принялся записывать в блокнот некоторые детали.

– Неразбериха...на работе...дурдом...

– Зачем вы это записываете? – спросила наконец женщина, явно не совладав со своим любопытством. – Что это вам даёт?

В ответ я посмотрел на неё, стараясь сделать так, чтобы мой взгляд казался одновременно и серьёзным, и заботливым.

– Видите ли, госпожа... – я сознательно сделал паузу, позволяя женщине назвать своё имя.

– Сиро! – ответила женщина. – Меня зовут Сиро Квон.

Я и раньше заметил, что женщина имела явно восточное происхождение, теперь же всё встало на свои места.

– Госпожа Сиро, – продолжил я своё объяснение, – я имею привычку записывать все обстоятельства, которые, по моему мнению, являются значимыми в деле.

Женщина задумалась, затем кивнула, затем снова задумалась.

– Скажите, а какой у вас опыт в подобных делах?

Этот был вопрос, столь неудобный для меня, что я едва ли мог вообразить, что могло еще сильнее обрадовать притаившегося в шкафу Схпфира. Я посмотрел на шкаф, направив свой взгляд прямоком в узкую, тёмную щель между дверей. Там, в этой концентрированной темноте, я мог видеть один-единственный, зелёный глаз... Но я нашёл в себе силы не доставить Схпфиру такого удовольствия.

– Видите ли, госпожа Сиро, специфика моей деятельности вынуждает меня во главу стола ставить конфиденциальность моих клиентов! Это – прежде всего. Поэтому я лишь могу сказать, что опыт у меня имеется, но детали и подробности – разглашать нельзя.

Женщина совсем не долго думала над услышанным, затем несколько раз кивнула, возвращаясь к «лазанье».

– Я обнаружила, что у нас попросту закончилась паста! Сами же понимаете, если без чего и нельзя делать лазанью, так это без пасты.

Я утвердительно кивнул в ответ:

– Разумеется, госпожа Сиро. Попытка приготовить лазанью без пасты, несомненно, была бы сродни попытке возвести дом без фундамента – совершенно никуда не годится.

Женщина кивнула.

– Я сказала мужу, кстати, вы непременно сочтёте это важным, – сказав это, женщина указала на мой блокнот, – его зовут Фэйд...

Я немедленно сделал запись.

– Фэйд стало быть... Пропавший безвести Фэйд... я вдруг поднял взгляд, посмотрев на женщину, мысли мои в этот момент уподобились встревоженному рою ос, и на секунду утратив контроль, я произнёс – Фэйд has faded away⁴....

– Это совсем не смешно! – резко бросила мне госпожа Сиро, я же поспешил принести извинения, сославшись на весьма непростую, непонятную многим, работу моего сознания, уповая, что благодаря этой сложности, я и добиваюсь решения загадок, с которыми ко мне обращаются.

– Я сказала мужу, – продолжала госпожа Сиро, – что нужно сходить в магазин и купить пасту иначе никакой лазаньи. По правде говоря, я ожидала, что Фэйд разворчится и попросту отмахнётся от этой затеи, попросит меня приготовить что по проще. Однако, нет! Он, без особого энтузиазма, надел свой костюм, вовсе не тот, в котором он ходит на работу, и не тот, в котором он может сходить со мной в ресторан или еще куда, он надел обычный костюм для прогулки. Это были уже начавшие выцветать джинсы, местами со сле-

⁴ Дословно «Фэйд исчез» – с современного английского. Однако здесь имеет место очевидная игра слов, поскольку имя супруга госпожи Сиро – Фэйд, что при транслитерации на латинский алфавит получит такой вид – «Fade», что в современном английском, вопреки принципу непереводаемости имён собственных, выглядит как правильный глагол («to fade-faded-faded») и означает меркнуть, тухнуть, и в определённом контексте – исчезать (примечание автора);